

УДК 82.091

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
Л.Н. ТОЛСТОГО В КОНТЕКСТЕ НИГИЛИСТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

А.Ш. Бик-Булатов

Аннотация

В контекст дискуссий о нигилизме Льва Николаевича Толстого впервые вводится его педагогическая публицистика 60–70-х годов XIX в., в которой писатель формулирует основные задачи педагогики. В настоящей статье предлагается новая интерпретация природы нигилизма Л.Н. Толстого, сопоставляются концепции Ф. Ницше и Л.Н. Толстого. Делается вывод, что толстовское учение, содержащее в себе некоторые параллели ницшеанской идее о сверхчеловеке, по сути было ответом на нигилизм современного ему общества, попыткой писателя преодолеть общеевропейский нигилизм духа.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, педагогическая публицистика, нигилизм, общество.

Проблема нигилизма и нигилистического сознания актуализируется в эпохи нестабильности и кризиса ценностей, что связано с ростом интолерантности в обществе в условиях отсутствия диалога культур. Эти и некоторые другие предпосылки способствуют росту нигилистических настроений в социуме и включению данной темы в дискуссионный контекст общества, что мы ощущаем на примере не только нашей страны, но и мира в целом. В условиях глобализации те проблемы, которые еще вчера казались нам локальными сюжетами конкретных стран, принимают характер общемировых. Опыт русской публицистики XIX века, посвященной проблеме нигилизма, дает нам возможность проследить основные предпосылки и формы проявления нигилистического сознания в российском социуме.

В российской политической и литературной журналистике середины XIX в. тема нигилизма, пожалуй, впервые в мире определенным образом концептуализируется. Датой рождения русского нигилизма стала эпоха, даже, скорее, «момент», соответствующий выходу известного тургеневского романа. Основные тенденции и веяния времени, особое настроение и полемика 60-х годов, роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», прочитанный соответствующим образом, – все это способствовало тому, что слово *нигилист* закрепилось в определенном значении, связанном с общественными и политическими событиями и явлениями.

В общем смысле *нигилизм* – это отрицание некоторых принятых в обществе догм морали, ценностей и т. д. Споры начинаются, когда речь заходит о качестве этого отрицания (как отрицается?), а также о том, что именно отрицается:

все ли принятые ценности, или только некоторые, и в таком случае какие именно?

XX век перенес споры о нигилизме из публицистической сферы в философскую. Начало этому было положено в работах Ф. Ницше. Дальнейшее осмысление нигилизма происходило в русле философской и социально-философской проблематики. Формирование нигилистических дискурсов в западной философской литературе растягивается практически на весь XX век. Среди разработавших эту тему нужно особо отметить М. Хайдеггера, Ж. Делеза, А. Камю, Ж. Деррида, П. Бодрийяра и др. В СССР философско-лингвистические концепции нигилизма можно встретить в работах представителей формальной школы (ср. концепт «остранения» В. Шкловского и др.) (см. [1–3]).

Концепция нигилизма Л.Н. Толстого находится на стыке публицистической и философской сфер: с одной стороны, она связана с традициями русской публицистики на тему нигилизма, рассматривавшей этот вопрос в контексте обсуждения студенческого вопроса и отношения к революционно-демократическому течению; с другой стороны, для Л.Н. Толстого, как и для Ф. Ницше, нигилизм – это проблема мировоззренческого характера, касающаяся каждого.

Нужно отметить, что некоторые вопросы, имеющие отношение к нигилизму, уже были рассмотрены нами в ряде предыдущих исследований (см. [4–6]). В настоящей статье нигилизм как контекстная доминанта педагогических статей Л.Н. Толстого рассматривается в качестве традиционной темы русской публицистики, что позволяет нам избежать ряда сложностей, на которые указывают ученые, разбирая возможность исследования «нигилизма» с позиций дискурса: «“Нигилистический дискурс” нельзя квалифицировать как дискурс некоторой социальной или институциональной среды (как, скажем, дискурс политический, научный, дискурс рекламы, массмедиа и т. д.), так как он не связан с текстами какой-либо конкретной области применения. Нет возможности определить и его тематическую прикрепленность (что можно сделать, к примеру, по отношению к экологическому, гендерному или “контркультурному” дискурсам)» [7].

Данный тезис может быть частично оспорен в том случае, если мы говорим о публицистике какого-либо определенного периода. Для журналистики 60–70-х годов XIX в. характерна связь нигилизма с текстами конкретной области применения (общественно-политической журналистики, то есть публицистики), а также тематическая прикрепленность к конкретным вопросам.

Вопрос о нигилизме возник в русской публицистике не случайно, он появился в ответ на определенные тенденции в обществе и культуре, и эта определенность наследуется последующими поколениями публицистов, развивается, дополняется новыми смыслами. И если «нигилизм вообще» исследовать весьма трудно и малопродуктивно даже с позиций дискурсного анализа, то исследование дискурсивных практик именно русской публицистики, посвященной нигилизму, представляется нам весьма перспективным и актуальным.

Нигилизм в России в уже привычном для нас понимании был явлением, распространенным по большей части среди молодежи, отражал ее настроения, именно молодежь задавала его тон и содержание, а старшее поколение еще только пыталось осмыслить нигилизм, определить свое отношение к нему. Поэтому

именно в прессе, ориентированной на молодежь и студенчество, сильнее всего проявились «отрицательские»¹ тенденции.

Педагогический вопрос зачастую увязывался в российской публицистике с нигилистическим (статьи И.С. Аксакова, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.С. Изгоева и др.). В этой связи рассмотрение педагогических статей Л.Н. Толстого² в нигилистическом контексте (поиск высших ценностей и критика Толстым «отрицательского» направления в педагогике) представляется интересным как для определения духовных преobraжений самого писателя, так и для характеристики всей русской интеллигенции второй половины XIX в., пытающейся преодолеть нигилизм.

Мнение Андре Глюксмана о том, что русская литература с большой точностью определила сущность нигилизма, явившегося «единственным объектом ее медитации» [8, с. 137], имеет под собой определенную основу. Исследователями русской литературы разрабатываются темы нигилизма в творчестве И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. Но, безусловно, по степени влияния среди дискурсных практик, функционирующих внутри социального поля (в смысле П. Бурдьё), одним из наиболее значительных дискурсов нигилизма рубежа веков стало толстовское понимание и воспроизведение явления нигилизма, нашедшее отражение в публицистике Льва Николаевича середины и конца XIX в.

Вопрос о соотношении идеалов и жизни являлся центральным для публицистики 70-х годов XIX в. Л.Н. Толстой еще до написания своих главных духовно-публицистических книг «В чем моя вера?» и «Исповедь» столкнулся с этим расхождением, когда вступил в дискуссию о педагогике. Корень современного (то есть середины XIX в.) нигилизма как болезни идеалов впервые был им обозначен публицистически в статьях о народном просвещении.

В 60-е годы XIX в. он открывает школу для крестьянских детей, начинает издавать педагогический журнал «Ясная Поляна», где не только делится своим учительским опытом, но и формулирует основные положения собственной педагогической концепции.

Основным вопросом педагогики для Л.Н. Толстого стал вопрос о высшей ценности образования. В чем заключается эта ценность? Во имя чего и для чего мы учим наших детей? Приговор, вынесенный существующей системе, – отсутствие в ней этой ценности («общего критериума педагогики»). Более того, в образованных сословиях наблюдалось даже отрицание необходимости работы этого педагогического критерия, то есть педагогический нигилизм.

Больше всего внимания разработке этого вопроса уделено в работах, опубликованных в «Ясной поляне», в особенности в статье «Прогресс и определение образования» (1862 г.), а также в статье «О народном образовании», опубликованной в «Отечественных записках» в 1874 г., в статьях «Кому у кого

¹ «Отрицательство» – принятое в русской публицистике синонимическое обозначение нигилизма.

² Нами были рассмотрены следующие публицистические сочинения Л.Н. Толстого, затрагивающие педагогическую проблематику: «Прогресс и определения образования», «Исповедь», «О народном образовании», «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», «Что такое искусство?», «Воспитание и образование» и др. (СС22(15), СС22(16)).

учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», «Что такое искусство?», «Воспитание и образование» и др.

Представляются интересными размышления Л.Н. Толстого об отношении к прогрессу в связи с педагогической темой:

«В литературных и изустных спорах, в особенности у нас, царствует один весьма странный умственный фокус, называющийся историческое воззрение.

Вы говорите, что вы верите в Бога, – историческое воззрение отвечает, что история вырабатывает известные религиозные воззрения и отношения к ним человечества. Вы говорите, что Илиада есть величайшее эпическое произведение, – историческое воззрение отвечает, что Илиада есть только выражение исторического сознания народа в известный исторический момент.

На этом основании историческое воззрение не только не спорит с вами о том, необходима ли свобода для человека, о том, есть или нет Бога, о том, хороша или не хороша Илиада, не только ничего не делает для достижения той свободы, которой вы желаете, для убеждения или разубеждения вас в существовании Бога или в красоте Илиады, а только указывает вам то место, которое ваша внутренняя потребность, любовь к правде или красоте, занимает в истории... К какому хотите понятию стоит только приложить слово: историческое, – и понятие это теряет свое жизненное, действительное значение и получает только искусственное и неплодотворное значение, в каком-то искусственно составленном историческом мирозерцании» (СС22(16), с. 66).

Этот принцип, очень вредный по мнению писателя, распространен и в педагогике, что находит подтверждение и в статьях об образовании, вышедших в этот период.

Толстой цитирует Г. Маркова: «Общая цель есть результат всей жизни, окончательный вывод из действия разнородных сил. Его можно видеть только при окончании, и в нем пока нет нужды. Стало быть, и педагогика вправе не иметь конечной цели, вправе стремиться к своим временным и местным целям, по преимуществу имеющим значение для жизни», замечая, что «искать критерий педагогики, по его мнению, бесполезно. Достаточно знать, что мы находимся в исторических условиях, – и все хорошо» (РВ, с. 153).

На самом деле, по мнению Толстого, «историческое воззрение может породить много занимательных разговоров, когда делать нечего, объяснить то, что всем известно; но сказать слово, на котором бы могла строиться действительность, оно не в состоянии». Сам писатель ставил перед собой задачу «выразить и определить критерий в педагогике» (СС22(16), с. 66).

Можно утверждать, что его размышления о сущности воспитания и образования и собственный педагогический опыт, нашедший отражение в ряде ключевых статей и выступлений, стали одной из предпосылок в преодолении Л.Н. Толстым его собственного нигилизма как кризиса духовных ценностей, однако это преодоление, как мы увидим в дальнейшем, было, по сути, не менее нигилистическим.

Итак, для публицистики 70–80-х годов XIX в., как мы уже отметили, одной из краеугольных тем для размышлений интеллектуалов стала проблема несоответствия идеалов и жизни.

К примеру, Н.К. Михайловский предлагал, во-первых, отдать должное нашим идеалам, посмотреть на идеалы интеллигенции пристальнее, чего не делалось в предыдущие эпохи, а затем приблизить современные идеалы к жизни, то есть осовременить их, пересмотрев прежние лозунги шестидесятников, фактически недостижимые и оторванные от реальной жизни (СС5).

Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя», в свою очередь, предлагал заглянуть внутрь себя, в свою душу, в подсознательное и там найти подлинный и единственный идеал, который заключен именно в русском народе и сохраняется в нем. Даже интеллигенция, оторванная от почвы в результате ужасающего состояния дела просвещения и воспитания, несет в себе этот идеал (см. (ДП), [5, с. 79–91, 145–158]). В чистом незамутненном виде идеал почвенничества можно наблюдать в русском народе.

Наблюдения же Л.Н. Толстого – а это прежде всего его наблюдения над самим собой – в чем-то перекликаются с заключениями главного западного философа нигилизма Фридриха Ницше¹ о состоянии современных обществ. Выводы Л.Н. Толстого, как и выводы немецкого философа, носят универсальный характер, то есть характеризуют человека вообще (имеется в виду человек христианской цивилизации, то есть современный им европеец), вне зависимости от его национальной принадлежности.

Если чрезвычайно кратко представить результаты размышлений двух мыслителей, то можно отметить, что оба философа приходят к следующему: современный человек не живет по закону Божьему, который сохраняется в нынешнем обществе лишь в качестве ритуала. Дальнейшие стратегии выхода из ситуации духовной пустоты для человечества, предложенные двумя этими авторами, на первый взгляд, являются противоположными.

Стратегия Ф. Ницше – последовательно нигилистическая: раз уж мы не живем по законам Божьим, то необходимо «отменить» и самого Бога, провозгласив «смерть Бога», дабы уничтожить окончательно ложную мораль, влащую существование только силой ритуала (ФН, с. 166). На свободное место должен прийти «сверхчеловек», который станет основанием «новой морали».

Стратегия же Л.Н. Толстого направлена на преодоление универсального нигилизма, на возвращение идеалов веры в повседневную жизнь.

Нигилизм, по Л.Н. Толстому, рождается из-за потери этой связи веры с жизнью: «Отпадение мое от веры произошло во мне так же, как оно происходило и происходит теперь в людях нашего склада образования. Оно, как мне кажется, происходит в большинстве случаев так: люди живут так, как все живут, а живут все на основании начал, не только не имеющих ничего общего с вероучением, но большею частью противоположных ему; вероучение не участвует в жизни, и в сношениях с другими людьми никогда не приходится сталкиваться и в собственной жизни самому никогда не приходится справляться с ним; вероучение это исповедуется где-то там, вдали от жизни и независимо от нее. Если сталкиваешься с ним, то только как с внешним, не связанным с жизнью, явлением» (ПСС, с. 5).

---

¹ Тема соотношения концепций Ф. Ницше и Л.Н. Толстого давно исследуется как в западной, так и в отечественной науке (см. [9–11]).

По мнению писателя, проблема нигилизма есть прежде всего проблема социально-педагогическая, и он ставит диагноз всему российскому обществу и отношению этого общества к высшим ценностям, которое оказывается вполне нигилистическим: «По жизни человека, по делам его, как теперь, так и тогда, никак нельзя узнать, верующий он или нет. <...> В школах учат катехизису и посылают учеников в церковь; от чиновников требуют свидетельств в бытии у причастия. Но человек нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службе, и теперь, а в старину еще больше, мог прожить десятки лет, не вспомнив ни разу о том, что он живет среди христиан и сам считается исповедующим христианскую православную веру» (ПСС, с. 5–6).

В общем-то можно сказать, что в своих теориях по преодолению нигилизма Лев Николаевич ставил и решал проблему в духе педагогическом: воспитание верующего человека должно осуществляться так, чтобы христианские идеалы, равно как и приобретаемые в школе иные знания и умения, делались частью жизни, а не оторванными от нее явлениями, переставали быть простыми абстракциями, а стали бы в известном смысле постоянно переживаемым духовно-бытийным опытом. В известных педагогических системах XX в. (штайнеровская педагогика, система Монтессори и др.) эта идея была реализована на более частных уровнях.

Со всей серьезностью повторяет Л.Н. Толстой в своей статье «Прогресс и определение образования» вопрос знаменитой г-жи Простаковой: *зачем нужна география?* (СС22(16), с. 66), пытаюсь понять: как связано образование, которое дают крестьянским детям, непосредственно с крестьянской жизнью, зачем их учат? Эту же идею он проповедует относительно религиозных принципов.

Христианство-идеал, по Л.Н. Толстому, должно проявляться непосредственно в жизни. В этой связи Лев Николаевич, с одной стороны, очень хорошо вписывается в тенденцию переосмысления и кризиса идеалов, характерную для публицистов и литераторов 70–80-х годов XIX в. Однако Толстой был первым из русских писателей того времени, кто в своих концептуальных построениях «замахнулся» на пересмотр именно христианского идеала, заговорил о необходимости «обновления» христианства или по крайней мере отношения к нему, восприятия религии.

И в этом своем качестве Л.Н. Толстой предвосхитил многие искания русской интеллигенции начала XX в., проложив своеобразный мостик между публицистами двух поколений. С идеей «обновления» христианства, конечно на принципиально иных, чем у Л.Н. Толстого, основаниях, выступали многие публицисты рубежа веков самых разных направлений: от Д. Мережковского, С. Булгакова, В. Розанова до реалистов, авторов теории «народа-богоносца» А. Богданова, Н. Луначарского, М. Горького. «Русское религиозное возрождение» начала XX в. также связано с этой идеей, саму возможность которой в русском обществе предугадал и впервые воплотил в своих философских и публицистических статьях Л.Н. Толстой.

«Пересмотр основ христианства» – это уже и само по себе являлось явным нигилизмом, причем в наиболее острой его форме. Между «Исповедью» и книгой «В чем моя вера?» были написаны «Исследование догматического богословия» и перевод Евангелия. Цель этих двух трудов заключалась в том, чтобы

изобличить «ложное церковное христианство» и утвердить «истинное его понимание».

В конечном итоге это был возглашаемый пересмотр духовных основ русского общества, в сущности то же, что проповедовал Ф. Ницше. Разница заключалась в том, что Л.Н. Толстой (выступая в роли «сверхчеловека») предлагал провести этот пересмотр именем самого же христианства, во имя торжества христианского идеала в жизни, Ф. Ницше же настаивал на «смерти Бога».

Однако и сам немецкий философ не раз признавал свою тесную духовную связь с христианством, у которого он «учился». Как верно замечает Ф. Тагиров, «дискурс нигилизма, тесно связанный со “смертью Бога”, является, с одной стороны, отрицанием предшествующих форм религиозно-метафизического дискурса, а с другой – наследует им» [12, с. 5]. В этой связи разница между нигилистическими концепциями двух мыслителей не выглядит столь уж глубокой.

Работы Ф. Ницше и Л.Н. Толстого во многом предопределили развитие нигилистического вопроса в русской публицистике XX в. как вопроса духовного, как пересмотра духовных основ бытия общества. Пересмотр этот заключался как в варианте условно «толстовском» («новое обновленное христианство»), так и в «ницшеанском», предполагающем замену «Бога» на более приемлемый «идеал» (к примеру, «народ-богоносец» – по А. Богданову).

Интересно, что сам Л.Н. Толстой скорее относился ко второму («ницшеанскому») варианту, ибо, несмотря на провозглашаемое им «христианство», на деле его идеал был близок к социалистическому, со знакомыми нам категориями «пользы» и Христом как скорее правильно живущим человеком, нежели Богом.

«Учение Христа, – говорит Толстой, – есть учение о сыне человеческом, общем всем людям, то есть об общем всем людям стремлении к благу и об общем всем людям разуме, освещающем человека в этом мире... Прежде и после Христа люди говорили то же самое: то, что в человеке живет божественный свет, сошедший с неба, и свет этот есть разум, и что ему одному надо служить и в нем одном искать благо» (ПСС, с. 380–381).

Комментируя отлучение Л.Н. Толстого от Церкви, о. А. Мень напоминал читателям, что «еще прежде, чем в лоне Церкви были написаны четыре Евангелия, она исповедовала Иисуса Христа как высшее самооткровение Бога и его воли. Бога, постигаемого как личностное начало. Евангелисты жили этой верой. Между ней и взглядом Толстого, который видел в Христе просто проповедника, учившего “не делать глупостей”, компромисс невозможен» [13].

К концу XIX в. становится очевидно, что «вопрос о нигилизме» все более переходит из политической сферы в область духовно-философских вопросов (что заметно на примере публицистики как авторов социалистического лагеря, так и их противников). Вместе с тем вопросы духовные в это время вдруг приобретают небывалую общественно-политическую остроту. Рискнем предположить, что это связано именно с тем, что в их число был включен вопрос о нигилизме, традиционно сильно политизированный, привлекающий к себе внимание общества. Педагогическая публицистика Л.Н. Толстого много дает исследователям для понимания толстовской концепции преодоления общественного нигилизма, повлиявшей на последующие разработки этого вопроса в творчестве известных русских и зарубежных писателей.

Summary

A.Sh. Bik-Bulatov. Pedagogical Essays of L.N. Tolstoy in Terms of Nihilistic Discourse of the Late 19th Century.

Pedagogical essays of L.N. Tolstoy of the 1860–1870s, where the author formulates the main goals of pedagogics, were for the first time considered within the framework of his discussions of nihilism. The present article suggests a new interpretation of Lev Tolstoy's nihilism and compares the concepts of L. Tolstoy and F. Nietzsche. The conclusion is made that Tolstoy's doctrine, which contained certain parallels to F. Nietzsche's idea of "superman", was in its essence the answer to the all-European spiritual nihilism.

Key words: L.N. Tolstoy, pedagogical essays, nihilism, society.

Источники

- СС22(15) – *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 15: Статьи об искусстве и литературе. – 432 с.
- СС22(16) – *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. – М.: Худож. лит., 1983. – Т. 16: Публицистические произведения. 1855–1886 гг. – 448 с.
- РВ – *Русский вестник.* – 1862. – № 5 – С. 152–160.
- СС5 – *Михайловский Н.К.* Собр. соч: в 5 т. – СПб., 1896. – Т. 4. – 612 с.
- ДП – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Статьи. Записные книжки: в 3 т. – М.: Захаров, 2005.
- ПСС – *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 23: Произведения 1879–1884 гг. – 583 с.
- ФН – *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 338 с.

Литература

1. Estrangement revisited (I) // *Poetics Today.* – 2005. – V. 26, No 4. – P. 579–758.
2. Estrangement revisited (II) // *Poetics Today.* – 2006. – V. 27, No 1. – P. 1–244.
3. *Зенкин С.Н.* Русская теория и интеллектуальная история-2 // *Новое лит. обозр.* – 2007. – № 87. – С. 391–400.
4. *Бик-Булатов А.Ш.* Русская журналистика 1860–1870 годов: нигилистический дискурс. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 157 с.
5. *Бик-Булатов А.Ш.* История отечественной публицистики XIX – XX веков: дискурсы нигилизма. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – 293 с.
6. *Бик-Булатов А.Ш.* Духовная публицистика Л.Н. Толстого в спорах о нигилизме рубежа XIX – XX вв. // *Мастерская публициста: опыт прошлого и настоящего / Под ред. Г.В. Жиркова.* – СПб.: Роза мира, 2009. – Вып. 6. – С. 6–14.
7. *Корчинский А.В.* Означающее на все руки: дискурс(ы) нигилизма. Очерк проблемы. – URL: <http://antropolog.ru/doc.php?id=352>, свободный.
8. *Глюксман А.* Достоевский на Манхэттене. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 224 с.
9. *Kessler P.* Tolstoj-Studien des späten Nietzsche // *Zeitschrift für Slawistik.* – Berlin, 1978. – Bd. 23, H. 1. – S. 17–66.
10. *Davis H.E.* Tolstoy and Nietzsche: A Problem in Biographical Ethics. – N. Y.: New Republic, 1929. – 271 p.

11. *Шестов Л.* Разрушающий и созидающий миры (По поводу 80-летнего юбилея Толстого) // Русская мысль. – М., 1909. – Кн. I. – С. 25–60.
12. *Тагиров Ф.В.* Сакральное как предмет социально-философского дискурса (от традиции к новому символическому пространству): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М.: Моск. гос. ун-т, 2003. – 22 с.
13. *О. Александр (Мень).* Трагедия Гения (О религиозно-философских трактатах Л. Толстого) // Трудный путь к диалогу. – URL: http://www.krotov.info/library/13_m/myen/_menn.htm, свободный.

Поступила в редакцию
23.06.10

Бик-Булатов Айрат Шамилович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Aiaibikbik@mail.ru